

ПРОБЛЕМЫ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Л.А. Демина

Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина
Садовая-Кудринская ул., 9, Москва, Россия, 123995

Предметом исследования в статье являются основные концепции смысла, сложившиеся в аналитической философии. Исходя из того, что основания аналитической парадигмы смысла заложены Г. Фреге, автор преимущественное внимание уделяет анализу проблемы смысла в интерпретации Г. Фреге. В статье подчеркивается значение идей Г. Фреге не только для искусственных, но и для естественного языка. Не случайно Г. Фреге относят к числу основателей современной философии языка. В статье также показано, что аналитическая философия не представляет собой однородного течения. В связи с этим выделяются концепции фреге-расселовского типа и альтернативные им концепции смысла С. Крипке, К. Доннелана, Х. Патнэма.

Ключевые слова: смысл, референция, семантика, семиотическая парадигма, жесткие десигнаторы.

Все начинается с Фреге. Именно Г. Фреге поставил задачу построения особого рода искусственного языка (идеографии), в котором бы правила оперирования с комбинациями символов — наглядными чувственно воспринимаемыми объектами — воспроизводили отношение логического следования. Г. Фреге полагал, что естественный язык неадекватен для представления структуры логических рассуждений, и он строит язык, написанный специальными символами, с которыми надо манипулировать по установленным правилам, — некоторый род исчисления.

Фреге видел свою задачу не в том, чтобы представить логику в виде формул, подобных формулам алгебры или арифметики, и применить математические, алгебраические методы к логике, а в том, чтобы построить специальный искусственный язык символов для «чистого мышления», адекватным образом воспроизводящий отношения между понятиями и отношение логического следования между высказываниями. Интерес к идеям Фреге в настоящее время стимулируется исследованиями естественного языка, так как при этом особенно важным становится понятие смысла, введенное Фреге (это не означает, конечно, что ранее в философии не встречалось такого понятия — например, в философии стоиков, где оно, пожалуй, действительно появляется впервые, но именно у Фреге оно начинает

рассматриваться не на уровне обычного словоупотребления, а как научное понятие). Ряд различений, проведенных Фреге — между референцией и смыслом, предложением и пропозицией, мыслью и утверждением этой мысли — действительно звучат актуально и находят применение в современных исследованиях языка.

Существенным недостатком естественного языка является то, что он не защищает мышление от логических ошибок. Во-первых, он изобилует неопределенностями. С одним и тем же знаком (именем) могут ассоциироваться совершенно различные смыслы. Одно и то же слово часто используется для обозначения то понятия, то объекта, что ведет к ошибкам эквивокации. Во-вторых, в естественном языке появляются необозначающие («пустые») имена и определенные дескрипции, что ставит перед нами серьезные вопросы при анализе предложений, в которые они входят.

В процессе коммуникации указанные недостатки естественного языка компенсируются за счет контекста употребления, дополнительного указания или компетенции говорящих. Но те средства, которые являются достаточными для осуществления языковой коммуникации и достижения понимания в этом процессе, явно недостаточны, если речь идет о получении истинных суждений. И поэтому закономерен вывод Фреге, что в теоретической структуре науки следует избегать неопределенностей, свойственных естественному языку.

В ранних исследованиях Фреге подчеркивал, что эти недостатки естественного языка «коренятся в его определенной нежесткости и неустойчивости, которые, однако, необходимы для его гибкости и, возможно, для его развития» [3. С. 71]. Идея идеального языка не нова. В этом отношении Фреге отдает дань Лейбницу. Новизна Фреге — в его обращении не к алгебре, а к теории функций. Его цель — проверить наиболее подходящим способом обеспеченность процесса рассуждения и раскрыть все предпосылки, которые обычно остаются неназванными. Как пишет сам Фреге: «Если задача философии — сломить господство слова над человеческим духом, раскрывая заблуждения, касающиеся отношений между понятиями, которые часто почти неизбежно возникают из-за употребления языка, освободить мысль от того, что навязано ей лишь свойствами словесного способа выражения, — то мое исчисление понятий, будучи с этой целью далее усовершенствовано, может стать для философов полезным орудием» [1. С. 67].

В своей основополагающей работе «Исчисление понятий» он вводит термин «понятийное содержание» (или, как отмечают переводчики, это может быть переведено как «отвлеченное содержание» [1. С. 386]), которым обозначается та часть содержания суждений, которая остается одной и той же, независимо от расхождения в смыслах (пример Фреге: «под Платеями греки победили персов» и «под Платеями персы были побеждены греками» [1. С. 69]).

Это вновь вводимое понятие имеет принципиальное значение. «Понятийное содержание» — это концептуальное содержание высказывания, это абстрактная сущность, которая остается после того, как мы освободимся от психологических моментов, сопутствующих процессу суждения. А принципиальное значение это имеет для построения науки доказательства, учения о правильном выводе. Правильность вывода зависит именно от отношений между соответствующими «понятийными содержаниями». В дальнейшем его исчисление строится на том, что эле-

ментарные «понятийные содержания» трактуются как конститuentы более сложных «содержаний», что позволяет установить логические отношения между высказываниями.

На примере анализа суждения, проведенного Фреге, мы можем видеть, что выделение в качестве основных семантических категорий тех или иных выражений зависит от принимаемых методов анализа. Отказ от традиционного субъектно-предикатного членения суждения и принятие вместо него функционально-аргументного разложения приводит к тому, что исходными категориями становятся не общие имена (как у Аристотеля), а собственные имена предметов индивидуальной области и предложения.

Расширение понятия функции и рассмотрение свойств и отношений объектов как особого рода логических функций позволяет уточнить понятие «понятийного (отвлеченного) содержания». Единое понятие в итоге расщепляется, и из него выделяются «истинностные значения», которые рассматриваются как область значения функций, и «смысл» как мысль, выражаемая предложением. Таким образом, истинностное значение (референция) предложения и его смысл заменяют единое понятие «понятийное содержание» и становятся не только важнейшими, фундаментальными понятиями логики (для Фреге), но и шире — всех наук, так или иначе связанных с изучением языка, естественного или искусственного.

Особо хотелось бы остановиться на утверждении Фреге, что смыслы являются объектами. Они могут входить в высказывание и как аргументы, и как значения функций первого порядка. Обозначения смыслов, например, «мысль, что Р» являются именами собственными для этих объектов.

Мы не являемся носителями мыслей, утверждает Фреге, мы их «схватываем», так же как ученый не создает, а открывает истинные мысли. «То, что я признаю истинным, то, о чем выношу суждение, является истинным совершенно независимо от того, признаю ли я это истинным, и думаю ли я об этом вообще. К истинности мысли не имеет отношения то, что ее некто мыслит», — пишет Фреге [2. С. 47]. И далее: «Мысль не относится ни к моему внутреннему миру как представление, ни к внешнему миру чувственно воспринимаемых вещей» [2. С. 46].

И из этого следует вывод: «Надо признать третий мир. То, что к нему принадлежит, совпадает с представлениями в том, что оно не может восприниматься с помощью органов чувств, а с вещами — в том, что оно не нуждается ни в каком носителе, сознанию которого оно принадлежало бы» [1. С. 335].

Именно так понимает объективность смысла Фреге. Но мысль не только является объективной — она всеобща по своему характеру: не нуждаясь в конкретном носителе, она способна стать достоянием, говоря словами Канта, «всякого разумного существа». Рассуждая о всеобщности мысли, Фреге выходит на понятие закона: закон — это мысль, которая может быть получена в процессе вывода из других мыслей (законов). Следовательно, говоря о всеобщности законов, мы, по существу, говорим о всеобщности мысли, а тем самым — и смысла.

Таким образом, теория смысла Фреге предстает перед нами как широкая онтологическая, гносеологическая, логико-методологическая и семиотическая концепция. В ней связаны воедино трактовка знака и значения и учение об информа-

тивности знака и его понимании (теория значения и теория смысла), универсалистский подход к теории познания и его онтологическая интерпретация.

Разделение смысла и референции (значения) сделало возможным провести различие между выражением (смыслом) и обозначением мысли (референцией), что позволяет провести более тонкий анализ различного рода контекстов естественного языка.

Во фрегевской семантике и других теориях этого типа принимается дуалистическая природа имени: с одной стороны, имена наделены определенным понятийным содержанием, с другой стороны, способны к референции — обозначению и выделению предметов действительности. Референция при этом обеспечивается смыслом, понятийным содержанием. Поскольку фрегевская семантика широко используется прежде всего при анализе естественного языка (как в логике, так и в лингвистике), то преимущество при таком подходе отдается дескриптивным средствам языка, с помощью которых можно задавать (описывать) объекты, не входящие непосредственно в ситуацию коммуникации и даже неизвестную адресату речи. Таким же образом мы можем задавать гипотетические объекты, описывать теоретические понятия. На наш взгляд, это наиболее богатая концепция значения.

Трудности, с которыми мы сталкиваемся при попытке последовательного проведения фрегевского подхода к анализу языка, достаточно описаны и в отечественной, и в зарубежной литературе.

Относительно собственно фрегевской теории смысла можно отметить спорное, с точки зрения многих, положение о смысле собственных имен — таких, как «Аристотель», «Одиссей» и т.п. Хотя, на наш взгляд, именно это положение теории Фреге является плодотворным и открывающим (как показала история интеллектуального развития постфрегевского периода) новые перспективы для философского, логического, лингвистического анализа языка.

В трактовке теории Фреге многое зависит от того, как понимается и что принимается в качестве «смысла» имени. Если рассматривать данное понятие как определяемое контекстом употребления (причем как лингвистическим, так и экстралингвистическим), а также способом вхождения данного термина (имени) в контекст, то мы приходим к широкому пониманию смысла, позволяющему использовать его, прежде всего, для естественоязыковых контекстов.

В целом, рассмотрение проблем смысла и референции непосредственно связано с решением более широких теоретико-познавательных проблем, имеющих отношение к проблеме истинности и понимания выражений языка. И, конечно, многие проблемы остаются. Так, сохраняет свою значимость вопрос о равенстве смыслов (как имен, так и предложений), критериях их равенства и связанный с этим вопрос об объективности смысла. Как известно, эти вопросы, в частности, обсуждались в переписке Г. Фреге с Э. Гуссерлем [1. С. 501], что отражает общую для данных мыслителей направленность мысли.

Проблема смыслового тождества тесно связана также с проводимым Фреге (что было уже отмечено нами ранее) различием мысли и утверждения мысли. Это ведет к еще более глубокому разграничению: собственно смысла, или ядра смысла (особенно это касается предложений), и субъективных аспектов смысла,

связанных с актом выражения мысли, сообщения ее другим людям, коннотации мысли. Как пишет Фреге в «Логических исследованиях», «содержание предложения нередко превосходит содержание той мысли, которая в нем выражена, но может быть и наоборот, когда один лишь текст... недостаточен для выражения мысли» [1. С. 331].

В связи с этим он обращает внимание на то, что для правильного понимания необходимо знать и обстоятельства произнесения текста, и субъективные, «подразумеваемые» моменты, придающие мысли ту или иную окраску. Возможно, именно эти стороны теории смысла послужили тому, что, будучи создана, исходя из потребностей математической логики и ее приложения к обоснованию математики, она оказалась наиболее востребована в анализе естественного языка и заложила основы нового, философско-логического подхода к такому анализу.

Нетривиальность этой нестареющей проблемы — проблемы смысла заключается не в окончательном ответе, а в способах анализа и обоснования.

Аналитическая философия не представляет собой однородного течения, в том числе и с позиции решения проблемы смысла: если в ранний ее период характерно преимущественное внимание к логико-семантическому анализу языка, то в позднеаналитической философии происходит сдвиг в сторону анализа речевой деятельности, взятой в прагматическом аспекте.

Так, в ранний период философии логического анализа языка, и особенно в логической семантике Г. Фреге, мы видим развитие идей Ч. Пирса: это идеи трехплоскостной семантики, триадичное понимание знака, дальнейшая разработка понятий смысла и референции, выработка критериев обоснованности знания.

В позднеаналитической философии происходит обращение к исследованию контекстов естественного языка и — как следствие — к семиотико-лингвистической линии, представленной Ф. де Соссюром. Причем это не просто обращение, а критический анализ и пересмотр ряда положений. Собственно, так же как и в идеях Ч. Пирса и Г. Фреге: далеко не все было воспринято их последователями.

Применительно к первому этапу в развитии аналитической философии можно говорить о семиотической парадигме смысла в ее логическом варианте. Для этого периода характерно значительное внимание к анализу гносеологической и логической роли сингулярных терминов (собственных имен и определенных дескрипций) как тех средств языка, в которых наиболее ярко выражается связь языка и мира. С той или иной трактовкой данных терминов связаны и возникающие в рамках парадигмы платонистические или номиналистические установки.

Исходными понятиями аналитической методологии становятся «смысл» и «референция». В дальнейшем дискуссии разворачиваются вокруг их уточнения, пересмотра и переинтерпретации.

Существует три основных метода референции, соответственно трем различным типам референтных выражений в языке: определенным дескрипциям, собственным именам и индексалам (выражениям типа «я», «он», «этот», «тот», «там», «сейчас» и т.п.). Использование того или иного типа референтных выражений связано в теории с предпочтением того или иного способа выделения объекта, принятием определенных ситуаций коммуникации, а также зависит от трактовки понятия предмета именованного: рассматривается ли понятие предмета широко,

включая как реально существующие, так и реально не существующие и абстрактные объекты, или же сводится только к непосредственно данным сущностям. Соответственно складываются три типа теорий референции.

В теориях первого типа референция осуществляется посредством описания предмета, указания на его свойства и характеристики. При таком подходе преимущество принадлежит определенным дескрипциям, с помощью которых можно задавать (описывать) объекты, не входящие в непосредственную ситуацию коммуникации и даже неизвестные адресату речи, а также гипотетические объекты или теоретические конструкторы. При этом собственные имена рассматриваются либо как имеющие смысл и референцию (Г. Фреге), либо как сокращения для дескрипций (Б. Рассел).

Образцом теории другого типа является концепция собственных имен Милля—Крипке. В качестве основного средства референции в этом случае выступают собственные имена, трактуемые как выражения, не имеющие смысла, как «жесткие десигнаторы». Сложностью такого рода теорий является обоснование первоначального выделения объекта референции и сохранения одного и того же объекта в процессе употребления языка. В логическом анализе это оборачивается проблемой кросс-идентификации, то есть отождествления объектов в разных ситуациях, в разных «возможных мирах», что существенно при разработке семантик неэкстенциональных контекстов, при выявлении условий истинности контекстов с позиционными установками.

Логико-семантические теории третьего типа исходят из того, что сущность референции состоит в указании на предмет, и к этому механизму могут быть сведены все другие способы соотнесения слова и объекта. Преимущественную роль в референции играют личные и указательные местоимения, успешность референции зависит от контекстных указателей, которые соединяют языковые выражения с объектом референции. Эти указатели могут быть как лингвистическими, так и внелингвистическими. Теории такого рода ориентируются на ситуации непосредственного присутствия объекта в условиях коммуникации.

Выделение в качестве основных параметров, характеризующих теории референции, способа выделения объекта и типа ситуации коммуникации является не случайным: исходное различие смысла и референции позволяет посредством смысла связать между собой такие понятия, как референция и истина; именно смысл и составляет ту истинную информацию, которая позволяет выделить объект, осуществить референцию. Учет же коммуникативной ситуации ведет к новому пониманию референции — как определенного речевого акта, и, соответственно, смысла.

Рассмотрим теории первого типа. В теории дескрипций Рассела происходит пересмотр ряда идей фрегевской семантики.

Рассел впервые привлек внимание к месту и роли дескрипций в человеческом познании, имея в виду прежде всего его работу «Об обозначении» (1905 г.).

Существенной чертой данной теории (помимо использования аппарата современной логики для анализа структуры предложений с дескрипциями) является глобальное различие собственных имен и определенных дескрипций.

Такое различие философски обоснованно и связано с тем, что Рассел выделяет два вида знания: знание по описанию и знание-знакомство. Последнее является, по существу, эмпирическим знанием, знанием, основанным на чувственном опыте. Для этого вида знания характерно использование логически собственных имен. Но для полного охвата действительности необходимо дополнить эмпирическое знание знанием по описанию, которое тесно связано с использованием дескрипций.

Мы отдаем себе отчет в том, что данная теория достаточно широко рассматривалась как в философской, так и в логической литературе, поэтому не будем специально рассматривать расселовские формализмы, связанные, в частности, с решением проблемы элиминации определенных дескрипций, и ряд других известных положений.

Мы постараемся сосредоточиться на гносеологических выводах из данной теории, которые, с нашей точки зрения, не всегда четко прослеживаются, но именно они имеют важное значение для определения путей развития аналитической парадигмы.

Рассел подчеркивает, что мы можем говорить о значении определенной дескрипции только в контексте. Такого рода дескрипции являются типичным примером «неполных символов».

Из противопоставления «полных» и «неполных» символов выясняется, что если первые — осмысленны, то вторые — нет. Сами по себе они не имеют значения, значение имеют лишь предложения, их содержащие, то есть дескрипции вводятся с помощью контекстуальных определений. «Неполные символы» не могут быть интерпретированы сами по себе, но содержащий их контекст может быть заменен выражением, не содержащим «неполных символов».

В разработанной Расселом теории «неполных символов» проявился его последовательный номинализм. Он первый обращает внимание на выражения, которые ничего не обозначают, а лишь являются «способом речи». Включение в область рассмотрения такого рода выражений свидетельствовало об отходе Рассела от номенклатурной концепции знаков. Его система в этом отношении является более богатой.

Говоря о сингулярных терминах, необходимо различать: 1) функцию данного термина в предложении, в зависимости от способа вхождения, то есть от его роли в языке; и 2) вопрос о референциальности данного типа языковых выражений как таковых, что зависит от способа их интерпретации.

Вопрос о референциальности в целом зависит от того, понимается ли он в смысле 1) или 2). Мы полагаем, что Рассел сосредоточил свое внимание на втором значении референциальности, не учитывая в должной мере функцию терминов в предложении.

Теория дескрипций в гносеологическом плане способствует преодолению трудностей интерпретации языковых выражений, возникающих в связи с созданной самим же Расселом концепцией знания-знакомства. Согласно этой концепции, мы понимаем языковые выражения, если переживаем их, наблюдаем их или они нам знакомы. Обеспечить референцию в этом случае могут только подлинные имена (логически собственные имена).

Каким же образом возможно понимание предложений, содержащих необходимые дескрипции? Согласно теории дескрипций, говорящий и слушающий понимают в этом случае, что утверждается, то есть определенные условия истинности, хотя они могут и не выполняться.

Таким образом, Рассел строит, в отличие от Фреге, двухплоскостную семантику. Проблема смысла для формализованных языков решается им заданием эффективных правил построения иерархии сложных выражений из исходных. Если в концепции Фреге предметами, противостоящими языку в качестве обозначаемых, служит «все то, что может быть названо», то Рассел признает в качестве объектов референции только реальные вещи. Только имена указывают на своего референта, контексты с дескрипциями содержат пропозициональную функцию, которая не может быть эксплицирована. Дескрипция не является подчиненной именной группой, имеющей собственное значение.

Подчеркнем, что с нашей точки зрения невозможно говорить о сингулярных терминах в отрыве от способов их употребления в языке.

Важно, например, различить следующие ситуации: 1) признаки, составляющие смысл термина, служат лишь средством выделения предмета, сам же он берется в целом, со всеми его свойствами; 2) признаки не только выделяют предмет, но и сам предмет рассматривается лишь со стороны этих признаков. Во втором случае мы рассматриваем предмет уже с некоторыми подразумеваемыми характеристиками. Но, похоже, что такой смысл термина «смысл» правомерен только для определенных дескрипций, но и для них не во всех случаях. При толковании смысла в соответствии с 1) мы можем рассматривать наряду с нереферентным и референтное вхождение определенных дескрипций, когда признаки служат только для идентификации, выделения объекта.

Когда мы говорим о смысле определенных дескрипций, важно подчеркнуть, что, по нашему мнению, в смысл дескрипции входят не только те свойства, по которым строится дескрипция, то есть те свойства, которые явно входят в ее содержание, но и те, которые вытекают из наличия у объекта указанных свойств (как результат нашего знания, опирающегося на определенные теоремы и постулаты системы).

Выделение категории логически собственных имен является попыткой выделения особого класса выражений, которые прямо представляют внеязыковые объекты. Сходной группой выражений являются квантифицируемые переменные Куайна, L-детерминированные десигнаторы Карнапа и жесткие десигнаторы Крипке. При расселовском подходе референциальность рассматривается как свойство именуемых выражений (а именно — логически собственных имен). Но помимо основных функций, связанных со знанием об объекте, дескрипции и собственные имена имеют вторичные функции, связанные с их ролью при построении предложений. Именно в этом случае могут появиться не подлинные, а мнимые дескрипции, которые, по Расселу, когда доказаны их единственность и существование, выступают референциально и выполняют роль собственных имен.

Естественный язык — проблема, с которой столкнулась аналитическая философия и которая во многом предопределила ее дальнейшее развитие.

Одна из трудностей логической теории референции — выяснение вопроса, что лежит в основе способности языкового выражения быть использованным для референции, прежде всего — какова роль смысла языкового выражения в механизмах референции. Идущая от Фреге теория референции, которая может быть названа «классической», исходит из того, что в основе способности к референции лежит смысл выражения: референция предопределена смыслом.

В каузальной теории референции решающая роль в механизме референции отводится не смыслу выражений, а разного рода прагматическим факторам. Крипке, критикуя классическую теорию референции, в определенной мере сближает взгляды Фреге и Рассела. Несомненно, это — одна традиция, но в нашем понимании теория смысла — наиболее богатая и широкая концепция смысла в русле аналитической парадигмы. И ее не следует отождествлять с дескриптивной теорией Рассела.

Проблема разграничения семантических функций собственных имен и определенных дескрипций как основанная на различии в способах референции становится особенно актуальной в связи с принятием концепции «возможных миров», которая приобрела новый смысл и новое звучание в современной логике и ее философской интерпретации. Эта лейбницевская идея нашла свое применение при построении интерпретаций квантифицированной модальной логики. Введение возможных миров в семантику модальных и интенциональных логик ставит перед нами проблему отождествления индивида в различных возможных мирах, известную как проблему «кросс-идентификации». Данные вопросы послужили основанием для пересмотра теории референции Г. Фреге и способствовали возникновению новых подходов, выразившихся, в частности, в теории «жестких десигнаторов» С. Крипке, а также каузальных теориях К. Доннелана и Х. Патнэма.

Решаемые нами проблемы тесно связаны с двойственной природой языка: с одной стороны — это внутренне нормированная и нормативная (дающая нормы) структура, с другой стороны — зависящая от внешней информации. Эти две стороны языка находят свое отражение в интенциональных и референциальных аспектах языковых выражений. Поскольку, как мы неоднократно отмечали, именно референциальная сторона ориентирована на мир, связывает язык и реальность, обеспечивает соотнесение высказывания с действительностью, то, следовательно, именно интенциональная сторона выражает ту часть значения языковых выражений, которая не зависит от информации о внешнем мире, но определяется собственными правилами языка и сама определяет нормативность языка. Это, может быть, неожиданный вывод: принято считать, что референция — это что-то четко определенное, ясное, «прозрачное», а интенциональные (читай: смысловые) аспекты языка — это нечто неопределенное, расплывчатое, с трудом поддающееся как формализации, так и просто объяснению (определению). Но если вдуматься, то мы найдем подтверждения этой мысли, и в частности в аналитических исследованиях и теориях.

Не случайно Куайн борется с «интенциональными сущностями», выступает против языков с интенциональными операторами и в то же время против аналитических истин — как последовательный эмпирик и номиналист он понимает эту связь аналитичности-априорности-нормативности с интенциональностью (в аналитическом смысле, но и с интенциональностью в феноменологическом — тоже).

И не случайно аналитическая философия в ее логико-семантическом варианте часто оказывается ориентирована на построение референциальных семантик и референциальных языков (т.е. в каком-то смысле эмпирически проверяемых, прозрачных, сквозь которые объект «просвечивает»).

И в то же время уже и для более раннего ее периода (т.н. «логического эмпиризма») характерно стремление к соотносению интенционального и экстенционального подхода, то, что мы называем «референция через смысл», когда референция (экстенционал) определяется посредством смысла (интенционала) — это Фреге, Рассел, Карнап, Черч. Это опять же не случайно: сильнейшая рационалистическая тенденция, свойственная этому направлению, влияет на выбор средств анализа и таковыми оказываются те, которые отвечают за нормативную сторону языка, ведь только познав, что устанавливает законообразующие связи языка, мы можем отразить это при построении формальных моделирующих систем. Поэтому, по нашему мнению, понятие смысла, в том или ином варианте, всегда остается в центре философских исследований как языка, так и познания в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Фреге Г.* Логика и логическая семантика: Сборник трудов. — М.: Аспект Пресс, 2000.
- [2] *Фреге Г.* Логические исследования. — Томск: Изд-во «Водолей», 1997.
- [3] *Baker G.P., Hacker P.M.S.* Frege: Logical excavations. — Oxford: Blackwell, 1984. — XVII.

SENSE PROBLEM IN ANALYTICAL PHILOSOPHY

Larissa A. Demina

Moscow State Law Academy
Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9, Moscow, Russia, 123995

Object of research in the article are the basic concepts of the sense which has developed in analytical philosophy. Recognizing that the bases of an analytical paradigm of sense are put by G. Frege, the author gives primary attention to the analysis of a problem of sense in G. Frege's interpretation. It is underlined in the article the value of ideas of G. Frege not only for artificial, but also for a natural language. It's not casually that G. Frege is carry to number of founders of modern philosophy of language. In the article it is also shown that the analytical philosophy doesn't represent a homogeneous current. In this connection are allocated concepts frege-russel's type and concepts of sense of S. Kripke, K. Donnellan, H. Patnem as alternative to them.

Key words: sense, reference, semantics, semiotics paradigms, rigid designations.